

Тургенев Иван Сергеевич

Письма к графине Е.Е. Ламберт

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-94
ББК 63.3-8
И17

И17 **Иван Сергеевич Т.**
Письма к графине Е.Е. Ламберт / Тургенев Иван Сергеевич – М.: Книга по Требованию,
2023. – 255 с.

ISBN 978-5-519-77976-0

ISBN 978-5-519-77976-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

«Слышите, пожалуйста, ступайте къ ней». Черезъ годъ, 3 декабря 1861 года, Тургеневъ сообщилъ Анненкову о семейномъ горѣ, постигшемъ графиню. Онъ писалъ: «Вы знаете, бѣдная гр. Ламбертъ потеряла своего единственнаго сына... Она не переживетъ этого удара». Въ письмѣ отъ 17 января 1866 года Тургеневъ спрашивалъ у Анненкова: «Графиня Ламбертъ все еще въ Петербургѣ? и гдѣ именно, т.-е. гдѣ ея квартира?». А въ слѣдующемъ письмѣ отъ 9 февраля 1866 года этотъ вопросъ повторялся уже, но только съ большей настойчивостью: «Да что же адресъ гр. Ламбертъ? Сообщите, отецъ, если возможно. Она жила, въ прошломъ году, на углу Фурштатской и Воскресенской, въ домѣ Кокошкина, но она собиралась покинуть Петербургъ».

Въ промежуткѣ между этими крайними сроками отъ 1860-го до 1866-го года Анненковъ несомнѣнно былъ у графини Ламбертъ и познакомился съ этою замѣчательною женщиной. Въ одномъ случаѣ своихъ «Литературныхъ воспоминаній» (513—514 стр.) онъ приводитъ свое собственное сужденіе о ней, основанное на личномъ знакомствѣ и личномъ впечатлѣніи. Случай этотъ относится ко времени появленія въ свѣтъ Тургеневскаго «Наканунѣ» и очень ярко характеризуетъ то вліяніе, какое производила графиня Ламбертъ на Тургенева, и то значеніе, какое Тургеневъ придавалъ ея оцѣнкамъ и сужденіямъ. Анненковъ такъ рассказываетъ объ этомъ случаѣ:

«Почти тотчасъ послѣ прибытія моего изъ деревни я получилъ отъ Тургенева въ Петербургѣ довольно странную записочку: «Четвергъ, вечеромъ.—Любезнѣйшій Павелъ Васильевичъ. Со мной сейчасъ случилось преоригинальное обстоятельство. У меня сейчасъ была графиня Ламбертъ съ мужемъ, и она (прочитавши мой романъ) такъ неопровержимо доказала мнѣ, что онъ никуда не годится, фальшивъ и ложенъ отъ А до Z, что я серьезно думаю—не бросить ли его въ огонь? Не смѣйтесь, пожалуйста, а приходите-ка ко мнѣ часа въ три, и я вамъ покажу ея написанныя замѣчанія, а также передамъ ея доводы. Она, безъ всякаго преувеличенія, поселила во мнѣ отвращеніе къ моему продукту, и я, безъ всякихъ шутокъ, только изъ уваженія къ вамъ и вѣря въ вашъ вкусъ, не тотъ же часъ уничтожилъ мою работу. Приходите-ка, мы потолкуемъ, и можетъ быть, и вы убѣдитесь въ справедливости ея словъ. Лучше теперь уничтожить, чѣмъ впослѣдствіи бранить себя. Я все это пишу не безъ досады, но безо всякой жолчи, ей-Богу. Жду васъ и буду держать огонь

въ каминѣ». «Огонь въ каминѣ оказался не нуженъ,—разсказываетъ Анненковъ.—Черезъ полчаса размышленія сообща авторъ убѣдился самъ, что непривычка къ политическимъ мотивамъ въ художническомъ дѣлѣ была одна изъ причинъ недовольства его критика,—точно такъ же, какъ заявленная критикомъ невозможность допустить увлеченія болгарской идеей на Русь и особенно въ женскомъ сердцѣ породила всѣ тѣ упреки въ несообразностяхъ, рѣзкостяхъ и преувеличеніяхъ, какія пришлось выслушать отъ него автору съ глазу на глазъ. Графиня Ламбертъ была женщина чрезвычайно умная и чуткая къ красотѣ поэзіи, но, какъ большинство развитыхъ русскихъ жепщинъ, не любила, чтобы искусство искало помощи и содѣйствія политики, философіи, чего-либо посторонняго, хотя бы даже науки вообще. «Наканунѣ» было такимъ образомъ спасено и явилось въ свое время и на назначенномъ ему мѣстѣ. Въ теченіе недолгаго нашего разговора съ авторомъ мнѣ все казалось, что уничтоженія романа не желалъ и онъ самъ, что онъ обратился къ постороннему человеку съ цѣлью имѣть третье, незаинтересованное въ дѣлѣ лицо, на которое можно бы было, при случаѣ, сослаться».

Этими сообщеніями Анненкова исчерпываются литературныя свѣдѣнія о графинѣ Ламбертъ. За отсутствіемъ другихъ и болѣе точныхъ и подробныхъ свѣдѣній, въ біографіи Тургенева совсѣмъ не отвѣдено ей то обширное и важное мѣсто, какое принадлежитъ ей въ дѣйствительности и по праву.

Графиня Елизавета Егоровна Ламбертъ была дочерью графа Егора Францовича Канкринъ, русскаго министра финансовъ. Блестящее воспитаніе и высокое положеніе въ петербургскомъ обществѣ открыли ей возможность къ счастливому замужеству и близости ко двору наслѣдника престола, а потомъ императора Александра II Николаевича. Она вышла замужъ за графа Іосифа Карловича Ламбертъ. Воспитанникъ Ришельевского Лицея въ Одессѣ, привлечшаго къ себѣ по открытіи цвѣтъ русской аристократіи, графъ Іосифъ Карловичъ сдѣлалъ быстро завидную карьеру при дворѣ наслѣдника. Въ чинѣ полковника въ 1851 году, онъ былъ адъютантомъ цесаревича Александра Николаевича. Родной братъ его, графъ Карлъ Карловичъ Ламбертъ, былъ потомъ намѣстникомъ въ Варшавѣ. Между прочимъ, графъ Карлъ познакомилъ своего брата съ Николаемъ Никпфоровичемъ Мурзакевичемъ, тоже воспитанникомъ Ришельевского Лицея. Вслѣдствіе письма графа Карла Мурзакевичъ

послѣ 1851 года сблизился съ графомъ Іосифомъ въ Петербургѣ и впослѣдствіи вспоминалъ о немъ съ особымъ чувствомъ уваженія и любви. «Открытый, благородный характеръ этого рыцаря чести и правды многимъ извѣстенъ», засвидѣтельствовалъ Мурзакевичъ о графѣ Іосифѣ Ламбертъ ¹⁾.

Молодость, образованіе, умъ и всѣ высокія качества личныхъ характеровъ графа Іосифа и графини Елизаветы Ламбертъ, безъ сомнѣнія, привлекали къ нимъ все великосвѣтское общество и сдѣлали домъ ихъ предметомъ искательства для столичной молодежи.

Неудивительно, что Тургеневъ въ первый же свой пріѣздъ въ Петербургъ, послѣ продолжительной отлучки, былъ принятъ въ домъ графа Іосифа Ламбертъ и вскорѣ былъ оцѣненъ радушными хозяевами и удостоенъ искренняго расположенія и симпатій со стороны графини Елизаветы Егоровны.

Было въ это время и еще одно обстоятельство въ личной жизни Тургенева, которое могло заставить его даже искать знакомства въ домъ графа Ламбертъ. Въ 1856 году, въ годъ появленія «Рудина», совершился поворотъ въ жизни Тургенева. Тургеневъ вздумалъ поѣхать за границу. Однако исполнить свое желаніе ему было нелегко, такъ какъ онъ находился еще подъ особымъ наблюденіемъ и присмотромъ представителей власти. Очень могли помочь ему въ этомъ случаѣ его знакомые среди высшего и, особенно, придворнаго общества. Ходатайство за него представителей придворной знати было очень цѣнно для Тургенева, и онъ желалъ и искалъ его для себя среди своихъ знакомыхъ изъ лицъ двора цесаревича. Біографин Тургенева извѣстны хлопоты за него со стороны егермейстера Ивана Матвѣевича Толстого, впослѣдствіи графа. Тургеневу естественно было желать расширить кругъ своего знакомства среди придворной аристократіи и укрѣпить свои добрыя отношенія съ ними. Домъ графини Ламбертъ могъ стать предметомъ особаго искательства со стороны Тургенева, такъ какъ положеніе его и связи въ административныхъ кругахъ могли быть для Тургенева весьма полезны. Очень вѣроятнымъ подтвержденіемъ этого предположенія можетъ служить первое же

¹⁾ «Записки Н. Н. Мурзакевича», въ «Русской Старинѣ», 1887 г., февраль, 290 стр.; 1889 г., февраль, 249 стр.; ср. «Воспоминанія Н. И. Кокшарова», въ «Русской Старинѣ», 1890 г., июнь, 534 стр. и «Императоръ Александръ II», С. С. Татищева, томъ I, 114 стр.

письмо Тургенева къ графинѣ Ламбертъ. Въ немъ Тургеневъ прежде всего высказываетъ желаніе быть благодарнымъ и благодарить графиню за «участіе», которое графиня оказала ему. Въ ту зиму помощь при полученіи заграничнаго паспорта была, кажется, единственнымъ способомъ выразить «участіе» къ Тургеневу.

Какъ бы то ни было, новое знакомство очень скоро выдвинулось впередъ изъ ряда петербургскихъ знакомствъ Тургенева и заняло среди нихъ, да и среди другихъ знакомствъ его, совсѣмъ особое положеніе. Тургеневъ быстро оцѣнилъ отмѣнные достоинства графини Ламбертъ, ея тонкій и изящный вкусъ, просвѣщенный далеко незауряднымъ образованіемъ, ея любовь къ искусству и пониманіе задачъ его, ея горячее и отзывчивое сердце, открытое ко всѣмъ просьбамъ и для каждой нужды,—и сразу же поставилъ ее едва ли не въ самомъ центрѣ своей дружбы и сердечной привязанности. Расположеніемъ графини, участіемъ ея ко всѣмъ подробностямъ его писательской и личной жизни Тургеневъ дорожилъ какъ благословеніемъ судьбы, какъ лучезарнымъ просвѣтомъ въ его одинокихъ, цыганскихъ скитаньяхъ. Посвящая ее въ каждый шагъ своей жизни, во всѣ думы, замыслы и переживанья своей писательской души, Тургеневъ искалъ поддержки и сочувствія графини, желалъ провѣрить себя ея дружественными взглядами, а иногда ея ласковымъ привѣтомъ и теплымъ, сердечнымъ участіемъ замѣнялъ для себя отсутствіе «собственного гнѣзда», и изливалъ передъ ней, какъ близкимъ по душѣ человѣкомъ, свои жалобы на одиночество, на тяжесть нераздѣленныхъ чувствъ. вмѣстѣ съ тѣмъ Тургеневъ не скрывалъ и собственного своего чувства, чувства глубокой привязанности и братской любви, которое зажегла въ его душѣ графиня, и которое озарило его жизнь лучами пробужденія чистыхъ радостей, забытыхъ чувствъ и несбывшихся мечтаній...

Тургеневъ любилъ бесѣдовать съ графиней въ уютной комнаткѣ въ томъ небольшомъ домикѣ на Фурштатской, который занимали Ламбертъ. Въ рѣдкіе и все же короткіе пріѣзды свои въ Петербургъ онъ часами просиживалъ у радушной и умной хозяйки домика, наслаждаясь всѣми дарами ея ума и сердца. О многомъ, очень многомъ вели рѣчь оживленные собесѣдники. Тургеневъ прежде всего посвящалъ графиню рѣшительно во всѣ подробности своей жизни. Вся внѣшняя сторона пережитаго, а часто и ожидаемаго, рисовалась графинѣ въ занимательныхъ разсказахъ Тургенева. Мценскъ и село

Спасское, Парижъ, Куртавнелъ, Бадень-Бадень, Римъ, Лондонъ, Москва, Петербургъ,—все города, курорты и селенія, со всеми подробностями остановки и житья въ нихъ, поочередно бывали предметами любопытныхъ сообщений и разсказовъ Тургенева. Событія личной жизни его, его дочь и другіе родные, его знакомые и друзья дѣлались хорошо извѣстными и графинѣ. Обо всѣхъ и обо всемъ онъ передавалъ ей все интересное и занимательное. Еще чаще и охотнѣе Тургеневъ несъ свои думы и затрудненія на судъ графини. Онъ уважалъ ея умъ и вѣрилъ въ ея сочувствіе и участіе, и ничего не скрывалъ отъ нея. Были ли это заботы о дочери и ея замужествѣ, или хлопоты о близкихъ ему бѣднякахъ, или размолвки съ друзьями и писателями—Тургеневъ во все посвящалъ графиню. Особенно Тургеневъ цѣнилъ взгляды графини на все случаи его затрудненій въ писательскихъ его трудахъ. Онъ вводилъ ее во все свои замыслы, излагалъ передъ нею планы будущихъ своихъ сочиненій, характеры участвующихъ въ нихъ лицъ, не скрывая своихъ творческихъ затрудненій и ища совѣтовъ и указаній для болѣе совершенной обработки своихъ повѣстей и романовъ. вмѣстѣ съ тѣмъ въ бесѣдахъ съ графиней Тургеневъ почерпалъ для себя много полезныхъ свѣдѣній и наблюденій. Въ ея живой рѣчи онъ искалъ отраженія петербургскихъ настроеній и чутко прислушивался въ ней къ біенію пульса русской общественной жизни. Все это дѣлало бесѣды ихъ занимательными, полными захватывающаго интереса и значенія и заставляло Тургенева искать и добиваться ихъ при всякомъ удобномъ случаѣ. Но отлучки Тургенева изъ Петербурга и даже Россіи бывали часты и продолжительны. А желаніе и даже жажда общенія и обмѣна взглядами съ умной и сердечной графиней Елизаветой Егоровной становилась настойчивой и неотразимой. И вотъ быстро и сама собою завязалась оживленная переписка. Тургеневъ письмами старался замѣнить недоступныя бесѣды и свиданія и въ письмахъ, какъ въ живой рѣчи, изливалъ передъ графиней всю свою душу. Въ письмахъ своихъ Тургеневъ встаетъ передъ читателемъ, какъ живой, во всѣхъ подробностяхъ и своихъ скитаній, и своего житья по разнымъ угламъ и Россіи, и за границы. Въ нихъ живо чувствуются все волновавшія его тревоги и радости, въ нихъ запечатлѣны заветныя думы его, его ожиданія и отъ жизни, и отъ своихъ твореній. Въ письмахъ Тургенева къ графинѣ Ламбертъ—его собственная автобіографія, вдобавокъ начерченная и изложенная его мастерскою рукою.

Писемъ Тургенева къ графинѣ Е. Е. Ламбертъ сохранилось, вмѣстѣ съ коротенькими и незначительными записочками, 115 на пространствахъ времени отъ 9 мая 1856 года до 29 апрѣля 1867 года.

Ихъ первое и самое главное значеніе, конечно, біографическое. Хронологія и обстановка жизни Тургенева въ нихъ полныя и самыя точныя. Мало того, въ нихъ изложены сокровенныя переживанія души Тургенева и его творческаго генія, и тоже имъ самимъ изложены и, значить, не подлежатъ ни сомнѣнію, ни оспариванію и перетолкованію. Поэтому біографическое значеніе писемъ Тургенева тѣсно примыкаетъ къ значенію ихъ для исторіи творческихъ замысловъ и для исторіи его сочиненій. Очень любопытны въ письмахъ и отношенія его къ такимъ русскимъ писателямъ, какъ графъ Л. Н. Толстой и Д. В. Григоровичъ.

Первыя письма писаны Тургеневымъ изъ села Спасскаго, куда онъ только что пріѣхалъ изъ Петербурга, 7 мая 1856 года. Въ нихъ онъ знакомитъ графиню прежде всего со своей деревней, а потомъ и со всѣми подробностями своей жизни. Видимо, въ Петербургѣ онъ не успѣлъ, при личныхъ свиданіяхъ, сообщить о себѣ всѣ, интересовавшія графиню, свѣдѣнія. Быть можетъ и самое знакомство съ графиней состоялось лишь въ концѣ его пребыванія въ Петербургѣ, незадолго до отъѣзда въ Спасское. Во всякомъ случаѣ, графиня уже успѣла произвести сильное впечатлѣніе на Тургенева, и первыя его письма къ ней уже полны свидѣтельствами личнаго его расположенія и его личныхъ чувствъ. Но сами письма краснорѣчивѣе расскажутъ исторію знакомства Тургенева съ графиней Ламбертъ.

Графиня Е. Е. Ламбертъ скончалась въ 1883 году, передавъ свою переписку съ И. С. Тургеневымъ Александру Дмитріевичу Свербееву. А. В. Свербеевъ 7 сентября 1889 года подарилъ Императорскому Московскому и Румянцовскому Музею собственноручныя письма И. С. Тургенева, передавъ ихъ Музею въ запечатанномъ пакетѣ, съ тѣмъ, чтобы они хранились въ запечатанномъ пакетѣ двадцать лѣтъ и были напечатаны не ранѣе 7 сентября 1909 года. Впослѣдствіи А. Д. Свербеевъ удлиннилъ этотъ срокъ еще на пять лѣтъ, и лишь въ сентябрѣ настоящаго 1914 года Музей получилъ возможность исполнить свою обязанность и удовлетворить давнимъ ожиданіямъ русскаго образованнаго общества.

П И С Ь М А.

С. Спасское.
9-го Мая 1856 г.

Любезная Графиня,

Спасскимъ называется моя деревня. Она находится въ Орловской губерніи, въ 9 верстахъ отъ города Мценска. Она не очень красива, но въ ней есть садъ, въ которомъ я провелъ большую часть моего дѣтства. Я пріѣхалъ сюда третьяго дня—и сегодня сѣлъ писать къ Вамъ письмо.

Прежде всего мнѣ хочется поблагодарить Васъ отъ души за участіе, которое Вы мнѣ оказывали. Я—человѣкъ плохо воспитанный и мало знакомый съ условіями *du savoir vivre*, но я умѣю и люблю быть благодарнымъ.

Мнѣ очень жалко, что я такъ поздно съ Вами познакомился. Несмотря на различіе нашихъ мнѣній, между нами есть, если не ошибаюсь, симпатія чувствъ и ощущеній, а эта связь прочнѣе связи, основанной на тождествѣ мнѣній. Но прошедшаго не передѣлаешь,—остается, насколько хватаетъ умѣнія, пользоваться настоящимъ.

Вашей книги я еще не начиналъ. Я намѣренъ здѣсь работать. Я здѣсь почти никого не буду видѣть, исключая одной графини Толстой, сестры литератора, очень милой женщины, но съ некрасивыми руками, а для меня это—если не все, то почти все.

Съ тѣхъ поръ, какъ я здѣсь, мной овладѣла внутренняя тревога... Знаю я это чувство! Ахъ, графиня, какая глупая вещь—потребность счастья, когда уже вѣры въ счастье нѣтъ! Однако, я надѣюсь, все это утомонится, и я снова, хотя не вполне, приобрѣту то особеннаго рода спокойствіе, исполненное внутренняго вниманія и тихаго движенія, которое необходимо писателю, вообще художнику.

Погода еще не совсѣмъ хороша. Все еще какъ-то грубо и рѣзко: вѣтеръ воетъ, какъ осенью; мокрыя, сѣрыя тучи несутся и льютъ тонкій, непріятный дождь. Но все уже зелено, и сегодня мои собаки издали, на травѣ, освѣщенной солнцемъ, производили картинное впечатлѣніе.

Здѣсь живетъ мой дядя, добрый и простой человѣкъ, который управлялъ моимъ имѣніемъ. У него жена, и сестра жены живетъ вмѣстѣ съ ними. Люди тихіе и незатѣйливые, съ ними легко, и я все-таки не совершенно одинъ.

Вы мнѣ говорили, что Вы теперь уже почти ничего не читаете. Возьмитесь за Пушкина въ теченіе лѣта, я тоже буду его читать, и мы можемъ говорить о немъ. Извините, я Васъ еще мало знаю, но мнѣ кажется, что Вы съ намѣреніемъ, можетъ-быть, изъ христіанскаго смиренія, стараетесь себя суживать.

Это письмо идетъ скачками, à bâtons rompus, какъ говорятъ французы, но Вы сами этого требовали, то-есть, Вы требовали, чтобы я писалъ Вамъ, что мнѣ придется въ голову, а мнѣ въ голову мысли приходили именно въ томъ порядкѣ, въ какомъ я Вамъ излагалъ ихъ, такъ что собаки пришли раньше родственниковъ.

Съ нетерпѣніемъ буду ожидать Вашего отвѣта... Кстати, какіе у Васъ добрые и милые глаза! Это «*кстати*»